

Макс Кай Эмбрион

- Успокойся, успокойся, успокойся, успокойся, - шепотом, который едва различается от шума воды в душевой. Вода стекает по лицу, по подбородку, по телу. Холодная, потому что так научил отец. Так быстрее приходишь в чувство, так закаляешься, так ты на чеку и обращаешь внимание, что вода не горячая, не кипятток.

Холодная, как сталь, как ум, как мое сердце.

- Успокойся, успокойся, успокойся, - шепчу я. И слова ядом капаят вместе с водой на пол старого кафеля. Этот дом – полнейшее недоразумение, разваливается на глазах.

Поворачиваю ручку горячей воды и постепенное напряжение спадает, я дышу глубоко и выдыхаю медленно. Первый вздох, надо считать про себя до семи, потом задерживаешь дыхание и выдыхаешь также на счет семь. Дрожь в теле проходит. Но тело дрожало не от воды, а от страха, от боли и от того, что сегодня первый день в новой школе. В очередной, новой школе.

- Марко, ты скоро? - до меня пытается докричаться мама. – Где шапка Криштиана? Господи, Натали, побыстрее, - даже здесь я услышал раздражение матери. Сразу представил, как она нервно выдыхает и закатывает глаза, потому что близнецы как всегда творят полную ахинею.

Выключил воду, осмотрел тело. Сердце стучит так, что готово выпрыгнуть из грудной клетки.

- Успокойся, - повторил я, чтобы уже до конца удостовериться, что я спокоен.

- Марко, ну! Что ты там так долго? – мама смогла докричаться до второго этажа.

- Он наверняка себя за письку трогает, - едва слышно донеслось замечание Криштиана.

- Криш... - запыхалась она. – Что ты как маленький. Дурачок.

Я посмотрел в зеркало и постарался улыбнуться самому себе. Сегодня первый день в очередной новой школе. Еще раз напоминание, что надо держаться так, будто ничего не случилось, как и прежде, точно мне все равно.

Эта в отличии от других считается элитной, хотя на болте я вертел эту элиту. Мой брат не даст соврать, школ мы сменили дофига и ни одна из них не оставила после себя каких-нибудь добрых воспоминаний, чтобы потом можно было похвастаться, а я мол, выпускник этой самой, про выходцев которой даже в газетах статьи писали.

Зеркало мне ответило презрительной ухмылкой. На зубную щетку не жалею зубной пасты, чищу зубы, рассматривая в отражении аккуратно сложенные чистые вещи. «Нужно быть красавчиком, чтобы покорять телочек», - говорил один мой знакомый.

Коленки не переставали дрожать. И не то, чтобы я волновался. Нет, это уже привычно для меня, новые люди, новый класс, все настолько приелось, что на это можно не обращать внимания. Беспокойство не оставляло возможности сконцентрироваться на чем-нибудь, в то же время это самое верное и самое нужное в первую очередь – концентрируйся на чем-нибудь постороннем. Такое происходит часто.

Мама встретила меня возле лестницы. Она выглядела очень усталой, но пыталась скрыть это за макияжем. Мы, по-моему, все что-то за чем-то скрываем. Я за липовой улыбкой и хорошим настроением, она за косметикой, Криштиан за дурачеством, а Натали. Наверное, она как раз-таки самый прямолинейный человек в нашей семье.

- Дай, я посмотрю на тебя, - заботливо сказала мама, поправляя мне челку, дурацкая привычка людей постарше зачесывать ее назад, открывать лоб. Ничего, выйдем все равно сделаю так, как мне удобно. – Красавец, - заключила она. – Ну, ты готов? Сорванцы уже в машине.

Она обняла и поцеловала в щеку. Но мы не спешили расходиться.

- Марко, - обратилась она. – Пожалуйста, не обижайся на меня, я знаю, нам сложно, но обещаю, здесь мы задержимся, я из кожи вон вылезу. Это последняя школа.

- Ты так говоришь уже четыре года подряд, ма. Я не знаю сколько осталось в копилке шансов, - усмехнулся я, машинально исправляя укладку, челка снова оказалась на глазах. – Тем более школа и так последняя, вроде выпускной класс как никак.

- Угрюмый подросток, - усмехнулась мама. – Злой, угрюмый подросток. Господи, дай мне сил с этими детьми, - взмолилась она и открыла дверь. – Поехали.

Сел в машину на первое сидение, дети уже бесились и доставали. Пешком до школы идти не так долго, но, чтобы о нас сложилось хорошее впечатление мама решила довести на отцовском внедорожнике. Ну, как отцовском, это скорее утешительный подарок после его смерти от сотрудников и партнеров. Забавно, что он умер в аварии. Вот уже скоро четыре года, а машина так и сияет новизной будто совсем недавно с нее сняли подарочные ленточки. Мы нечасто куда-то ездим.

- Пожалуйста, дети, - мама начала уже привычную речь. – Хотя бы в этом году будьте пайныками, пожалуйста! Я вас слезно умоляю, не-встре-вай-те, - протянула она по слогам. – Ни в какие истории! Чтобы не было звонков мне от учителей, директоров, поварих и уборщиц, что Криштиан разбил стекло в школьной столовой.

- Ма-а-ам, ты же обещала не вспоминать, - застонал брат.

- Давайте, этот год мы пообещаем друг другу, что проживем его на отлично, закончим позитивно и радостно. Потому что нашей семье необходим позитив и радость, - рассудительно говорила мама, следя за дорогой.

Когда мы подъехали в груди заклокотало, стало трудно дышать, но я ничем себя не выдавал. Только мысль была одна:

«Раз Два Три Четыре Пять Шесть Семь»

Криштиан с Натали неохотно вылезли из машины и шугаясь толпы учеников вперемешку с родителями застыли возле нее, дожидаясь нас.

- Подождите, молодой человек. Марко, прошу тебя, следи за ними. Ты знаешь, как мне важна эта работа и я безумно тебе благодарна, потерпи еще чуть-чуть. Хорошо?

Она всегда так говорит. И если честно, я не понимаю, что нужно терпеть, но если мама просит, то выбора как это зачастую бывает у меня нет. Просто факт. Терпи, Марко.

Я кивнул, и мы вышли.

Школа пахнет переходным возрастом.

Пахнет проблемами, гормонами и неумолимым сексуальным влечением. Она насквозь провоняла рассуждениями о жизни и подготовками к взрослению, улыбками едва созревших девочек, прыщами и оценками. И речь не идет о баллах за тесты. Оценка ко всему, что окружает. Ее длинные ноги «отлично». Его чувство юмора «хорошо».

Для себя я вынес урок - в школе всегда ходишь голым. Душа лежит перед всеми, напоказ. Особенно если ты новичок. Это первое правило и единственное. Не пытайся прикрыться.

Учительница начинала с открытия учебного года. Окинула взглядом гораздо повзрослевшие и сильно изменившиеся лица за это лето и рада была приветствовать всех. Искренне или нет, этого мне никогда не понять.

Возможно, она могла бы быть более дружелюбной, если бы не надела в такую жару эту идиотскую юбку. Тем не менее, учитель в классе. Тот момент тишины, когда ни ученик, ни преподаватель еще не стали злейшими врагами, поэтому это тишина уважения.

- Прежде, - кашлянув в кулак, сказала она и растянула губы в доброжелательной улыбке. – Я хочу представить вам новичка в классе. Марко, будь добр, встань. Представься, расскажи о себе.

Ну вот, все взгляды устремлены на меня. Глоток свежего воздуха не помешал бы, не люблю, когда смотрят. Мне почему-то кажется, что они меня уже ненавидят. Хотя, если честно мне не привыкать и искренне плевать.

Я медленно встал за партой и, почесав затылок, эта привычка никогда от меня не отстанет, начал говорить:

- Всем привет, эм. Меня зовут Марко Новак. Э... Я недавно переехал и, если честно, это уже пятая или шестая школа, которую я меняю. Надеюсь, что смогу остаться тут до конца, - усмехнулся я, хотя никого моя улыбка не вдохновила.

А про себя я скоро-скоро считал до семи, просил успокоиться.

- Надеюсь, ты найдешь здесь новых друзей. Садись, Марко, - ответила учительница. – Что ж, класс, нам предстоит много работы, это последний учебный год и дальше вы, каждый из вас, выберет свой путь...

Эту историю я уже слышал и не раз. О своих путях преподаватели начинают нас загонять еще кажется на начальном этапе, когда ты мелкий сосунок, только-только приперся в первый класс.

Каждый действительно выберет свою дорогу, кто-то уедет на учебу за границу, кому-то выпадет шанс путешествовать, а некоторым суждено будет найти занятие по душе. В общем, мой путь был избран еще года четыре назад и без моего согласия, когда умер отец.

Они все еще смотрят.

Слышу, как с задних парт перешептываются девушки, краем глаза вижу двух парней, которые, кажется неотрывно рассматривают меня. Так бывало всегда, они оценивают нового игрока, подойду ли я в команду. И от этого зависит многое. Смогу ли я понравиться и быть своим в доску с первых минут в классе или же мне предстоит пройти тернистый путь от изгоя до, смотря какая тут иерархия.

Найти главного несложно, если таковой, вообще есть. Обычно, такие как он, сидят где-то вдалеке, в окружении свиты. Это должен быть подкаченный парень, симпатичный на вид, но не приторный красавчик, этот стереотип работает почти на сто процентов, я уверен.

Бывает и так, что всеобщие любимчики в параллельных классах, тогда получается, что в группе ко мне будут относиться гораздо лучше.

Самое ужасное, это не понравится, так называемой «королеве выпускного бала». У этих принцессок самое весомое мнение в старшей школе и горе тому, кто попадет в ее черный список. Хотя, плюс в этом все же есть, тебя перестают замечать, это куда лучше, чем, когда тебя слепо ненавидят, по непонятным причинам.

Так же стоит понять, кто здесь, этот самый изгой. Это может быть один на всю группу неформал-одиночка, который прячет взгляд ото всех и полностью поглощен своими мыслями, либо забитый ботаник из бедной семьи. Толстые, прыщавые, хилые – каждый из них может попасть в группу неудачников. Но, такие, как правило, одиноки.

Я осмотрелся по сторонам, пытаюсь не встречаться ни с кем взглядом, и обратил внимание на паренька с черной челкой, которая скрывала его глаза. Он усердно тер ластиком в тетради и, кажется, был полностью отстранен от происходящего вокруг.

Походу почетный пьедестал ущерб занят.

Уроки в этой школе ничем не отличались от всех предыдущих школ. И честно сказать, я люблю учиться. Как же, получать новые знания – полезно! Но как всегда минуты тянутся медленно и по-своему скучно. Большую часть времени преподаватели готовили нас к «новой жизни». Они рассказывали истории успешных выпускников их школы, которые вышли в люди и стали известными чуть ли не на весь мир. О некоторых я и правда, слышал, но свое ближайшее будущее я уже предрешил. Заработать как можно больше денег сначала, а дальше что-нибудь и куда-нибудь, может быть в армию. Служба, конечно, не самое лучшее, что могло со мной случиться, но военным идут льготы.

Так мне проще будет помочь семье. Ну, не сказать, что я альтруист, просто, когда отец умер, нам стало немного тугο. Мы с матерью и близнецами постоянно в разъездах с одного съемного дома на другой. И каждый раз, на новом месте, она мне обещает, что это наш последний переезд, она чувствует это всей душой. Но, постоянно, что-то идет не так. Контракт съема мы не продлеваем и вот, отучившись где-то месяцев пять, я понимаю, что к концу года больше никогда не увижу этих людей. Для них я вообще ничего не значу, так же, как и они для меня перестают быть чем-то реальным. Я не успеваю заводить крепких друзей, а все мое свободное время прикованы к младшим брату и сестре.

Как-то раз мать решила завести со мной «взрослый» разговор. Вечером, когда мелкие легли спать, мы сели на кухне, и она сказала:

- Марко.

Она нередко позволяет себе сигарету, но в этот раз была чем-то озадачена.

- Мне нужно с тобой поговорить, серьезно.

Я напрягся тогда, насколько это было возможно и приготовился к страшному, потому что всем видом мама давала понять, что-то случилось.

- Скажи, у вас было сексуальное воспитание в школе? – но увидев мой, полный непонимания взгляд мать продолжила. - Понимаешь, ты уже взрослый парень, и я знаю о разгульном образе жизни современной молодежи... эм..., и я знаю, насколько трудно приходится нам. После... как отец... ну ты, понимаешь.

- Не понимаю, - помрачнев осторожно признался я, вытаращив на нее глаза.

- Я хотела бы поговорить с тобой о сексе, о девушках. Мне важно, чтобы ты предохранялся.

Тогда я не знал, кто из нас покраснел сильнее, я или она.

- Эм-м-м... - единственное, что сумел из себя выдать.

- Боже, - она хлопнула себя по лбу. – Этим должен бы заниматься твой отец. Господи. Вот, - она вытащила из кармана «резинку» и положила на стол. – Это презерватив.

Тогда мне безумно захотелось ляпнуть: «Блядь», но единственное, что я смог из себя выдать было:

- Лол, что?

- Марко, - она затянулась сильнее, чем нужно и закашлялась. – Кхе-кхе... Это... ну, ты понимаешь.

Это уже второй или третий раз как она спрашивает, понимаю ли я или нет. А я реально нихрена не понимаю.

- Мама, я знаю, что такое презерватив. Но я еще нет... - смущенно произнес я и заткнулся.

- Нет? – удивленно спросила она. – Извини, я думала.

Вот о чем я и говорю, даже собственная мать, наверное, призрает, что я девственник. А как быть? Я тупо не успеваю завести себе подругу, потому что в любой момент мы можем переехать... иногда мне не хочется распаковывать вещи. Так и оставить их в коробке.

На перерыв я выходил одним из последних. Как правило, задерживаются либо ущербы, либо ботаники, которым есть что спросить у преподавателей. И меня в этих ребятах это больше всего бесит, они дружат с учителями или делают вид, что дружат. Спорят с ними на разные темы и считают, что умные. Вот уж не знаю, какой бред получается из них после школы и как они дальше пользуются своим багажом скиллов.

Тот самый паренек выходил последним, замешкался с портфелем. Наверное, ему есть чего бояться, возможно, он груша для битья. Неважно, у меня все больше шансов считать его козлом отпущения.

Мы вышли из класса и наши шаги эхом раздавались по уже пустому школьному коридору. Необычайно быстро народ высыпал на улицу.

Я вышел на улицу первым и придержал для него дверь. Парень прошел, не проронив ни слова, понутив голову.

Ну, что ж. Первый день, а уже такой улов. В принципе, не мое дело, какого хрена он как унылое говно.

Не так и страшно быть новеньким.

- Привет!

Я сидел за столом и жевал «с любовью приготовленный» сэндвич. Мать бережно собирала мелких в школу, а мне сказала: «Марко, я поцеловала пакет, полдела сделано! Приготовь себе что-нибудь и заверни».

Это, наверное, странно признавать, но временами, очень редко, я тащусь от своей мамы. Она крутая. Вот уж не знаю, как тут у народа принято. Ну, иногда заносит к таким маменькиным сыночкам, что хочется взять биту и посильнее уебать по челюсти, и выбить все зубы к чертовой матери. А есть лютые ненавистники всякой проявленной заботы.

Смерть отца нас сблизил.

С мамой мы поговорили. Мне было тринадцать, и тогда я впервые выкурил сигарету, потому что мать дымила как наша рождественская елка (однажды вспыхнула из-за гирлянды). На самом деле мы молчали, я просто затягивался, а она гладила меня по голове и не переставая курила. Все заволочло дымом с тех пор, ну мою жизнь в смысле, как белая пелена. Это был тот самый момент, когда мы с матерью понимали, что друг без друга не сможем и единственные кто у нас есть – это мы сами, ну и близнецы, но они еще мелкие. За ними нужен был уход.

- Попробую еще раз. Привет Марко!

Я поднял глаза, передо мной стояла девчонка с короткой стрижкой и с розовыми волосами.

- Привет, - еще не придя в себя ответил я.

- О, так-то лучше, - призналась она и не спросив села напротив меня.

В глаза бросилась сережка в форме креста в правом ухе девушки, на плече красовалась татушка какой-то кельтской символики.

- Ну, как тебе у нас? Отстойная школа! Правда? – спросила девчонка.

Сама одета в черную футболку с которой скалились неизвестные мне блэк-металлисты. Черные шорты, повязанная вокруг талии клетчатая красная рубашка и чуть ли не снегоступы на ногах – внешний вид так и кричал: «Я вся такая личность, что заебись просто!».

- Просто, смотрю ты один сидишь, ну как бы, тяжело, наверное, сразу так привыкнуть к новому? – не унималась моя новая собеседница.

- Может дашь прожевать? – спросил таким тоном, чтобы она отвязалась.

- О! У него есть характер. А то я уже не знала, какую ахиною еще спросить. Я Кира, - она протянула руку.

Такое не люблю. Меня если честно бесят неформалы и люди, которые врываются в зону комфорта. Они творят хаос одним своим присутствием. Но за неимением других собеседников, я все-таки принял дружбу.

- Очень приятно.

- Ой, да не ври. Приятно ему. Мне, например, фиолетово. Да я вижу, что тебе хочется побыть одному, - она отмахнулась и запустила пятерню в голову и принялась ее корябать, зажмурив один глаз. – Чешется, черт.

- А что поддела тогда? – спросил я, делая глоток сока, бутылку которого мама все-таки успела закинуть в сумку.

- Ну, - Кира задумалась и снова почесав затылок, у нее там вши что ль, ответила. – Ты, вроде, не производишь впечатление дебила. И выглядишь вполне сносно, расскажешь свою грустную историю?

- В смысле?

- Ну, ты там сказал, что часто переезжаете. Наверняка, ты многое видел. Вот я и подумала. – Кира пододвинулась к столу и подперла подбородок руками. – Расскажи, каков он мир за пределами этого говно-города?

- Полный провал, - признался я, уловив аромат ее духов.

- Это я знаю, а серьезно?

- Серьезно.

- Нет, почему ты переезжаешь? За тобой охотятся? Ты последний в своем роде эльф? Или просто вы в разъездах, потому что ты из тех хулиганов, которых ненавидят буквально все...

- Слушай... я... - меня это стало немного доставать.

- Я все поняла, - она поднесла палец к моим губам. От него пахло сигаретами, и он был сухой. – У тебя кто-то умер в семье? – вдруг спросила Кира.

- Ты сумасшедшая? – переспросил я.

- Ебанутая наголову. Ну так? – она положила ногу на ногу. – Ну, так че? С кем живешь?

- Почему я должен тебе вообще что-то рассказывать? Жесть просто...

- Я живу с бабушкой, родители сейчас в Германии, - нагло сказала она. – Школу кончу, - Кира задумалась и повторила, хихикая. – В школе кончу и к ним перееду.

- Кто сказал, что мне это интересно? – я уже собрался встать из-за стола, как девушка меня остановила.

- Ой ну. Не паникуй, уж извини, я всегда так с людьми. Знаешь, на самом деле хорошо работает. Ненужный хлам сразу отсеивается, если понимаешь, о чем я. – Кира облизала палец, который только что держала у моих губ. – Ты на вкус – апельсин.

- И как, многие согласны выслушивать твой бред? – я сложил руки на груди.

- Ну, ты бьешь все рекорды.

Мы на секунду замолчали, но я поймал себя на одном, что улыбаюсь, смотря на нее. Это приятное чувство. А она улыбалась мне в ответ.

- Ну что? Начнем сначала? – дружелюбно сказала девушка. – Какая музыка тебе нравится?

Так могла бы начаться самая крепкая дружба, которой помеха разве что ураган. Нет. Хуже. Только самая жестокая смерть сможет нас разлучить, мы как Чип и Дейл. Но дело в том, что я не такой как она. Я не схожу с ума, не пытаюсь выйти за грани и перед кем-то выпендриться. В одном мы все-таки похожи, и я, и Кира лютые социофобы.

Мы проговорили недолго и почти ни о чем. Девчонка постоянно меняла темы и пыталась показаться еще тупее чем она есть на самом деле. Плевал я на ее неформальность с большой колокольни. Все эти примочки, цацки, черные футболки и черт знает в какой цвет выкрашенные волосы – это как бы не показатель. Не, раньше может быть я б еще и прифигел с такого прикида, а так очень пафосно. Но сам бы в жизни не надел ничего подобного.

Хотя, что я могу сказать о таких людях? Они изначально себя отслаивают от общества, чтобы в какой-то момент слиться с ним. Это хорошая тактика, на самом деле. Кира знает, кто есть кто, потому что имеет свое отточенное мнение. С ней выгодно поддерживать связь.

Но одно дело, когда к тебе за едой подсаживается девушка и начинает травить всякий бред, не дав толком прожевать и совсем другой случай, когда на спорте ты проявляешь себя.

Я и вода – это две составляющие одного целого. В детстве я ходил в бассейн три раза в неделю, где и заложили во мне нехилый такой навык, что я даже брал первые места в небольших городских чемпионатах.

Так.

Прыжок в воду, на время холод обволакивает тело, выдыхаю воздух, чтобы не хлебнуть и начинаю работать руками. Движения как взмах крыльев бабочки, плавно, не стараться, не заставляя себя насильно – победа не главное. Важно показать, что я умею и как.

Заплыв на короткую дистанцию, пятьдесят метров, два круга, и я такой молодец и прущийся с себя приплыл первым.

Уверен больше чем на сотню - новость о новичке, побившем рекорд быстро распространиться. Хотя какой уж там рекорд. Главное не задеть чувства бывшего обладателя первого места, чтобы не нажить себе врага с первых дней.

Препо, огромный такой брутальный с «рукавами» захваливал меня на чем свет стоит за хорошую физическую подготовку и уже прям, собирался брать в команду, что, кстати, мне было совсем на руку.

В раздевалке молчать не нужно, месте, где ты тоже проявляешь себя, наличием мускулатуры и даже размером члена. За маленькую сосиску могут и пиздюлей прописать. Что удивительно! Какого черта кого-то должен волновать размер моего хера?!

Из душа я вышел первый, как мне показалось, и не был особо удивлен увидеть там того самого паренька с челкой. Он буквально прижался к шкафчику и копошился в своей сумке.

- Ты мыться не стал, - напомнил я, наблюдая, как по наспех протертой спине все еще стекали капельки хлорированной воды.

- Не хочу, - едва слышно буркнул он и выбежал из помещения, надевая на ходу черную футболку.

Через некоторое время дверь душевой открылась, впусав клубы пара и несколько парней шумно переговариваясь вошли в раздевалку.

- А вот и наш победитель, - передо мной нарисовался пацан, чуть-чуть пониже меня и коренастее. Белокурый, но с красным, как жопа бабуина, лицом. Мне он сразу показался неприятным. Обычно такие любят понтоваться. По сути в каждой жопе затычка. Вполне возможно, что у него тут самое весомое мнение.

Вообще, вожжаков не выбирают, ими становятся по ряду причин. Например, самый сильный и харизматичный парень лучше всего проявляет себя во всем. То есть, полный антипод изгоя.

Я внутренне напрягся, предугадывая дальнейшие действия. Возможно именно от этого разговора зависит моя будущая позиция, либо я общаюсь с Кирой и веду себя как полное чмо, либо меня принимают в клуб, элиту.

- Марко? Да? Я Лука, это Милан и Стефан там еще, походу лысого гоняет, - он протянул мне руку.

- Да, привет, - пожал мокрую ладонь Луки.

К нам подошел Милан, этот уже повыше и даже поплотнее, удивительно, что он не доплыл первым. Хотя, если в этой тусе главный, все-таки Лука, то зачем ему подводить вожжака?

- Хочешь с нами зависнуть сегодня? Покажем тебе город. Расскажем че да как.

Ошибки научили меня, что в первый день знакомства куда-то с кем-то идти не самая хорошая идея, так проверяют характер, либо ты беспозвоночный червь или все-таки стержень есть. Мой стержень горит изнутри походу, поэтому плевал я на их гулянки.

- Я с радостью, но не сегодня.

- А че? – вдруг спросил Милан и сверкнул глазами.

Я выпрямился, стараясь быть чуть выше чем есть и сжал кулаки, события, в любой момент могут пойти совсем по другому сценарию. По крайней мере, Милан показал, что он из тех бугаев-долбоебов.

- Ну, не может и все, - рассудительно произнес Лука, кажется, даже не обратив внимание на свирепость своего друга.

- Да не ссы, как Драго, - улыбнулся второй. – Я просто прикалываюсь.

- Драго? – переспросил я, полностью расслабившись.

- Да, Драго Боян, видел его, наверное, пидарок такой. Его Мил струхнул чутка, ну так он и разрыдался, - сказал Лука.

- А нахуя?

- Хуй его знает, нахуя он разрыдался.

Я не умею обставлять свою комнату. Не знаю какой цвет может подойти стенам, или какой подходит моему характеру. Понятия не имею какие плакаты вешать и зачем? Это, наверное, важно.

Мы так часто переезжали, поэтому вертел я на детородном органе, что значит моя комната. Как она должна выглядеть, чтобы, каждый, кто в нее войдет сразу понял – она моя. Тут пахнет мной, трусами моими и носками. Хотя, конечно, кто может зайти? Когда мы жили в своем доме, у меня тоже не было своей комнаты, как таковой. Отцовская работа вынуждала нас постоянно кататься по стране, но мы и были достаточно обеспеченные, до поры до времени. Пока постепенно не стали скатываться.

Мать занималась мной, потом родились близнецы, отец работал. А когда он умер, прогорел и бизнес. Мать в качестве соучредителя была никакущей, поэтому под шумок ее и поперли оттуда бывшие компаньоны папаша, полностью присвоив себе наше семейное дело. Только вот машина и осталась, даже с фирменным логотипом отцовского ремесла. А мы привычке не изменили, так и продолжили кататься, ей приходилось находить подработки, но этого не хватало на, чтобы снимать хоть какое-то примерное жилище. А тут еще желание матери, чтобы дети учились в престижных пусть и дорогих школах. Нахрена платить за это деньги? Каждое новое училище – это минус энная сумма на банковском счету. И, наверное, если бы не умение моей мамы даже в полной жопе находить что-то хорошее, она бы спилась, а я бы сейчас воровал на наркоту в каком-нибудь неблагополучном районе среди маргинальной братии.

Мать не только не удержала семейный бизнес. Она еще жутко не экономная. Вместо того, чтобы мы переехали в город и снимали квартиру, мы должны тратить последние сбережения на дом с участком, чтобы как раньше, на свежем воздухе. А главное это частные школы, чтоб их.

Хотя, был у нас домик у реки, куда мы сматывались на Рождество или на летние каникулы, на пару деньков. Вот это было чем-то постоянным, знакомым и близким сердцу. Там-то на втором этаже была моя комната, обитая деревом изнутри и с запахом хвои. Там светило солнце и в окна бились ветки деревьев густого леса. Короче, нам пришлось его заложить за неуплату налогов. Но я пообещал себе, что обязательно выкуплю домик, когда разбогатею.

А тут мне предлагают покрасить какую-то временную небольшую комнату и обклеить чем угодно, как угодно, сделать с ней хоть жопу слона. Да, мать за проявление творчества. Но вопрос в том, что я не знаю, что.

Только ради того, чтобы от меня отстали я хотел бы нарисовать огромную пизду, курчавую настолько, что волосня будет торчать в разных направлениях и подпишу ее Розалиной. Имя такое забавное, самое подходящее для влагища. Ро-за-ли-на.

С матерью мы условились, однажды, что ко мне она ни ногой. Таков уговор, не третирую ее по поводу и без, а она не сует нос в мою комнату. Так же, как и брату с сестрой запрещено даже приближаться к моей двери, не важно в каком бы доме мы не

находились. Главное, она меня, предостерегала, что если вонь от носков или трусов будет распространяться дальше моей берлоги, то у нее не будет выбора и во имя спасения семьи она-таки рискнет собой и переступит порог.

Розалина посвящена Шоне Грант, я как-то наткнулся на порно с ее участием и честно признаться такого дикого стояка у меня не было. Я тогда забрызгал нафиг все. Дело не в том, что я любитель волосатых кисок семидесятых. Не знаю, как объяснить. В ней что-то есть, зацепило. И история ее жизни. Она как рок-герой, который в конце умирает, как Курт Кобейн, но только на порно-фронте. Моя суицидальная героиня.

Конечно, если мы съедем, то придется закрасить мой шедевр, но я очень надеюсь, что творчество просочится сквозь свежий слой краски и новым жильцам будет на что посмотреть.

Стена так бы и оставалась голой, как Шона в ее фильмах, если бы я не повесил эту мелкую фотографию в рамке. Где мы уже после смерти отца, сидим где-то в лесу жарим маршмелоу на палках. Она создает уют, я так и слышу потрескивание костра, шум и кряхтение деревьев. Я рад, что на этой фотографии нет отца.

- Марко, - крикнула мама снизу. – Иди сюда, посмотри.

- Ага, - тихо произнес я, оторвав взгляд от стены.

Вздохнул и шепот леса испарился.

Спустился по лестнице в зал. Крохотный дом, комнаты как анус, маленькие и узкие.

- Как тебе?

Мать показала результат своего труда – размазала валиком темно-золотую краску, немного тошнотворный оттенок отдавал металлическим сиянием и создавал ощущение давки и угнетения.

- Лучше б мы наняли кого-нибудь, кто умеет это делать.

- Тебе не нравится? – спросила она, стаскивая резиновые перчатки.

- Я же говорил, что цвет отстой.

- Я просто подумала, он к осени подходит.

На лице у нее был след от краски, прям на носу. Клоун.

- Что мелкие сказали? Кстати, где они? – я едва касаясь прикоснулся к стене, краска еще не засохла, на пальце осталась маленькая бронзовая точка.

- Во дворе. Они, между прочим, мне помогали. В общем, Криштиан назвал это полным... - она осеклась. – Нехорошим словом, поэтому я лишила его сладкого на сегодня. А вот твоя сестра оказалась куда смышленнее и ей понравилось. Поэтому, сын, если ты не хочешь оставаться без пирога...

- Женщина, на меня твои уловки не подействуют.

- Хочешь у себя покрасить?

- Нет конечно, - прыснул я.

- Дети очень быстро растут, - со вздохом сказала она. – Ладно, милый, зови сорванцов, пошли ужинать. Я сегодня курицу убила с макаронами.

- Как я люблю? – кинул я, направляясь к двери.

- Как ты любишь.

Я вышел во двор.

К вечеру начинало холодать, но я забыл надеть кофту. Руки покрылись мурашками. Волоски встали.

Наша лужайка не зеленилась как соседские, но мать обещала, что исправит это. Летом постелем новый газон, либо нормально так займемся этим, пострижем и оформим как нужно, может даже цветы рассадим. Смотря что дешевле.

Мелкота столпилась возле какой-то фигни и громко между собой переговаривалась.

- Марко, - крикнула Натали, завидев меня. – Смотри.

- Идем ужинать, - сказал я, приближаясь. – Что тут у вас?

Перед глазами оказалась дохлая ворона, немного затерявшаяся в траве. Она была крупной птицей с чернеющими как смола перьями и серым загривком. В вороне был свой шарм.

- Это Криш ее нашел и принес сюда, а я говорила ему не трогать.

Брат почесал нос.

Я взглянул на него исподлобья.

- Нахуя ты ее притащил? – отвесил ему подзатыльник.

- Я скажу маме, что ты ругаешься, - проскулил брат, почесав затылок.

- Говори.

- Что теперь делать? – встряла сестра. – Нельзя же ее тут оставлять.

- Наверное, ее кошак какой убил, поигрался и бросил, а может и сама сдохла от старости, - сказал я, поморщившись от вида дохлой птицы и поддел ее ногой, перевернув на спину, лапками кверху. – Идите в дом.

- Фу, - сморщилась Ната.

Ребята ушли, все также шумно споря.

Я огляделся по сторонам, на соседские дома. Какой из них выглядит лучше всех. Тот, что слева был значительно больше, но видно, что давно за ним не ухаживали, так как с одной стороны, вероятно, солнечной, цвет краски выгорел.

Другой дом, справа, выглядел куда лучше в принципе. Ухожен, чист и опрятен, эти слова сюда не подойдут, он офигенен. Просто никогда не требовалось описание здания, чтобы понять, что он хорош.

Я двумя пальцами взял ворону за перья, ощутив вес дохлой туши. И сам не понимая, нахрена, пошел в сторону соседей. Между нами росла живая изгородь, ну с соседской стороны, такая, что за ней ни черта не видно. Я подкрадывался, стараясь ничем себя не выдать. Просто труп самое место в этой вылизанной жопе, а не в нашей богом забытой берлоге. Вот сейчас, единственная ассоциация, которая возникает при виде нашего домины – это сарай, который украсили к хэллоуину. Он сам по себе перекошенный какой-то, так еще и дохлые вороны валяются.

- Что ты делаешь?

Вопрос заставил меня подскочить на месте, выронив птицу и выругаться.

- Твою мать!

На меня со стороны дороги, с той стороны, о которой я совсем позабыл, смотрела блондиночка моего возраста.

- Н-ничего, - быстро нашелся я, разглядывая новую собеседницу.

- Что там валяется?

Она милая на вид, как Шона, но не с ее дебильной прической. Она в спортивном костюме, шортах и футболке, в руках держала бутылку с остатками воды на дне.

- Ничего.

- Постой, - вдруг улыбнулась девушка. – Я тебя знаю, ты Марко? Мы с тобой в группе, новенький. Так еще и соседи. Вот здорово. Хочешь завтра в школу вместе пойдем?

- Эм...

Кинул взгляд под ноги и немного подался вперед, заслонив ворону.

- Я Иванка.

- Привет, - я сглотнул.

Ой, нет, не как в комедиях, когда персонаж краснеет, бледнеет и начинает вести себя как полный идиот, а член рвет трусы изнутри, и это чуть ли не полным кадром показывают зрителю, и я вдруг осознаю, что вот она мечта всей жизни. Мы поженимся, нарожаем кучу детей и умрем в один день.

Нет!

Мне стало дико стыдно, что просто был пойман с поличным.